

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ,
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 811.161.1'42 (476) (043.3)

ТРОЩИНСКАЯ-СТЕПУШИНА

Татьяна Евгеньевна

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА
В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ БЕЛАРУСИ РУБЕЖА XX–XXI вв.:
НОМИНАТИВНЫЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

по специальности 10.02.02 – русский язык

Минск, 2015

На рубеже второго и третьего тысячелетий развитие человечества идет по пути активного расширения межкультурных связей. Подобное взаимодействие делает особенно актуальным вопрос о культурной самобытности разных народов. Русскоязычная ветвь белорусской литературы отражает особенность мультикультурной парадигмы в нашей стране и является своеобразным маркером взаимодействия двух близкородственных языков.

Диссертационная работа посвящена исследованию способов языковой репрезентации художественных образов в русскоязычной прозе Беларуси рубежа XX–XXI вв., которое осуществляется в русле антропоцентрического направления в номинативном и лингвокультурологическом аспектах.

Актуальность реферируемой диссертации обусловлена, во-первых, необходимостью комплексного решения проблемы языкового воплощения литературно-художественного образа; во-вторых, отсутствием лингвистических научных работ по исследованию русскоязычной прозы Беларуси рубежа XX–XXI вв.; в-третьих, недостаточностью работ широкого сопоставительного характера на материале корпусов художественных текстов, принадлежащих разным авторам; в-четвертых, необходимостью получения новых сведений в области лексико-семантической организации художественного русскоязычного текста для дальнейшей разработки лингвистики текста, филологического анализа текста, лингвопоэтики; в-пятых, практическими нуждами образования, а именно необходимостью использования результатов лингвистического исследования белорусской русскоязычной прозы в образовательном процессе.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с крупными научными программами (проектами). Диссертация выполнялась в рамках научного проекта «Этнокультурные особенности Белорусского Поозерья», являющегося структурной частью подпрограммы научных исследований «Белорусский язык и литература в контексте цивилизационного развития Республики Беларусь: история, современное состояние, тенденции» («Белорусский язык и литература»), входящей в состав Государственной программы фундаментальных исследований на 2011–2015 гг. «История, культура, общество, государство».

Цель и задачи исследования. Цель исследования – установление особенностей языковой репрезентации художественных образов в русскоязычной прозе Беларуси рубежа XX–XXI вв.

Указанная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) выявить корпус единиц номинации (имен собственных и апеллятивов), именующих персонажи и персонафицированные художественные образы;
- 2) определить специфику номинаций художественных образов в белорусской русскоязычной прозе;
- 3) установить роль категории безымянности в именовании персонажей;
- 4) определить и охарактеризовать топонимные единицы, участвующие в создании художественных образов;

Личный вклад соискателя. Диссертационное исследование является самостоятельной работой, теоретические и практические результаты которой получены автором на основе анализа собранного фактического материала. Все публикации подготовлены соискателем без соавторов.

Апробация результатов диссертации. Основные положения и результаты диссертации явились предметом докладов на следующих республиканских и международных конференциях: VII Межвузовской конференции памяти Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Э.М. Береговской «Риторика в свете современной лингвистики» (Смоленск, 7–8 июня 2011 г.); V Международной научной конференции «Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П.П. Шубы)» (Минск, 11–12 октября 2011 г.); I (V) Международной научно-методической конференции «Теория и технология иноязычного образования» (Киев, 27–28 октября 2011 г.); Международной научной конференции «Състояние и проблемы на българската ономастика» (Велико Търново, 12–14 июня 2012 г.); Международной научной конференции «Смоленск и Смоленщина в именах и названиях: история и современность (к 1150-летию со дня основания города)» (Смоленск, 5–6 октября 2012 г.); Международной научной конференции «Язык – когниция – социум» (Минск, 12–13 ноября 2012 г.); VIII Межвузовской конференции «Риторика в свете современной лингвистики» (Смоленск, 4–5 июня 2013 г.); XIV Международной научно-практической конференции «Традиционная культура на территории Российско-Белорусского пограничья: историко-этнографический и лингвокультурологический аспекты» (Новозыбков, 14–15 ноября 2012 г.); Международной научной конференции «На хвлях мовы: да 90-годдзя з дня нараджэння акадэміка М.В. Бірылы» (Минск, 10–11 сентября 2013 г.); двух Международных научно-практических конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых «Машеровские чтения» (Витебск, сентябрь 2012 г.; сентябрь 2013 г.); XV Международной научно-практической конференции «Российско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы взаимодействия в контексте единого социокультурного пространства – история и перспективы» (Новозыбков, 17–18 октября 2013 г.); Республиканской научной конференции «Актуальные проблемы языкознания и лингводидактики» (Брест, 14–15 октября 2011 г.) и трех Региональных научно-практических конференциях преподавателей, научных сотрудников и аспирантов «Наука – образованию, производству, экономике» (Витебск, март 2012 г.; март 2013 г., март 2014 г.).

Опубликованность результатов диссертации. По теме диссертации опубликовано 27 работ (7,1 авт. л.): 8 научных статей (3,5 авт. л.) в изданиях, включенных в перечень изданий для опубликования результатов диссертационных исследований, в том числе 4 в зарубежных; 6 статей размещены в сборниках научных трудов, в том числе 4 в зарубежных; 13 публикаций – в сборниках материалов конференций, в том числе 5 в зарубежных.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из перечня условных обозначений и сокращений, введения, общей характеристики работы,

трех глав, заключения, библиографического списка, включающего список использованных источников (254 позиции), список источников фактического материала (25 позиций) и список публикаций соискателя (27 позиций). Диссертация содержит 3 приложения: А) Таблица «Реальные имена, выявленные в антропонимиконе исследуемой русскоязычной белорусской прозы»; Б) Копии двух актов о внедрении результатов научного исследования; В) Задания для учащихся 9–11 классов (на материале текстов исследуемой прозы). В текст диссертации включено 10 таблиц (4,5 страницы).

Полный объем работы составляет 148 страниц, из которых текст диссертации занимает 114 страниц, библиографический список – 23 страницы, приложения – 11 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются выбор темы и ее актуальность, определяются перспективы исследования.

Общая характеристика работы отражает связь диссертации с научными программами и темами, цель и задачи исследования, объект, предмет и материал диссертационной работы, основные положения, которые выносятся на защиту, личный вклад соискателя, апробацию и опубликованность результатов исследования, структуру и объем диссертации.

Первая глава «Теоретические аспекты изучения художественного образа» состоит из пяти разделов и носит обзорно-аналитический характер.

В **разделе 1.1 «Из истории исследования художественного образа»** рассматриваются существующие концепции образа как основной эстетической категории с позиции гуманитарных наук (философии, психологии, литературоведения, семиотики, эстетики); определяются основные этапы исследования образа; уточняются особенности функционирования словесного образа в художественном тексте.

Под художественным образом в литературном произведении мы понимаем фрагмент художественного целого, который обладает определенным содержанием, внутренней логикой и создается с помощью лексических, грамматических и стилистических средств языка. При этом система образов, определяя восприятие художественного произведения, оказывает на читателя воздействие, тем самым формируя его мировоззрение.

В **разделе 1.2 «Интерпретация художественного образа в лингвопоэтическом аспекте»** содержится историографический обзор лингвистических исследований, посвященных рассмотрению художественного образа. В 90-х гг. XX в. благодаря вкладу В.П. Григорьева, М.Л. Гаспарова, Ю.Н. Караулова, Н.А. Кожевниковой, Б.А. Ларина, Е.А. Некрасовой, И.И. Ревзина, О.Г. Ревзиной, Н.А. Фатеевой и др. исследование языкового воплощения образа в художественных текстах оформляется в лингвопоэтику – перспективную научную область, в рамках которой выявляется специфика языковых единиц в пространстве литературно-художественного произведения и разрабатывается методика лингвистического анализа художественного текста.

Цель лингвопоэтического анализа состоит в том, чтобы определить, как та или иная единица языка (слово, словосочетание, грамматическая форма, синтаксическая конструкция) включается автором в процесс словесно-художественного творчества и приводит к созданию эстетического эффекта.

В разделе 1.3 «Художественный образ в рамках антропоцентрической парадигмы» уточняется концепция языковой личности в применении к исследованию образа. В связи с тем, что *личность* понимается нами как средоточие всех важнейших характеристик духовной и материальной культуры народа, в разделе акцентируется внимание на национальном компоненте языковой личности, который является вневременной и инвариантной частью ее структуры (по Ю.Н. Караулову). Сегодня учеными изучается и билингвальная языковая личность – социокультурный феномен, включающий в себя способность интегрироваться во вторичный социум и получать представление о культуре другого этноса благодаря знанию его языка.

Предметом нашего рассмотрения является не только персонаж, но и фрагменты окружающего мира (предметы, явления, понятия), через отношение к которым можно понять его внутренний мир и которые сами при определенных условиях могут становиться персонажами. Необходимость исследования персонифицированных художественных образов обусловлена тем, что с помощью олицетворения неживых объектов окружающего мира раскрываются душевные движения персонажа.

В разделе 1.4 «Номинация как способ создания художественного образа» охарактеризована двоякая сущность номинации – процесса и результата создания и закрепления наименований за разными фрагментами реальности. Подчеркивается связь номинации с ономазиологией. Тезис о том, что языковая номинация, будучи опосредованной мышлением, сопряжена с отражательной деятельностью человека, отражает связь традиционной точки зрения на номинацию с парадигматикой когнитивного подхода. Взаимообусловленность данных положений проявляется и в аспекте репрезентации смыслов посредством языковых форм: в реферируемой диссертации рассматриваются не только непредикативные сочетания, но и пропозитивные единицы, характеризующиеся предикативностью.

Особое внимание уделяется категории безымянности, воплощающей дихотомию имя / отсутствие имени и имеющей такие «лики» (термин Н.В. Васильевой), как *незнание имени*; *сокрытие имени* (анонимность); *неимение имени*.

В разделе 1.5 «Русскоязычный художественный текст как лингвокультурный феномен» приводится краткий обзор русскоязычного литературно-художественного пространства второй половины XX – начала XXI вв., доказывающий, что творчество современных белорусских писателей, пишущих на русском языке, разнообразно и многопланово.

В разделе осмысливается термин *мультикультура* – феномен сосуществования и взаимодействия в пределах одного общества разнообразных, равноправных и равноценных этнокультур. В связи с этим затрагивается проблема билингвизма (в том числе художественного) как

своеобразного диалога двух мировоззрений, обуславливающего «стерескопичность» (по Г.Д. Гачеву) восприятия действительности. Одной из форм воплощения мультикультурной парадигмы в нашей стране является существование русскоязычной литературы. Произведения, созданные на русском языке как живущими в Беларуси этнически не белорусскими писателями, так и этническими белорусами, живущими за рубежом, являются неотъемлемой и важной частью белорусской культуры. Определяющим фактором при этом становится не национальная принадлежность писателя и не место его фактического проживания, а то количество времени, которое он прожил на белорусской земле, почувствовав очарование ее неброской красоты, узнав и полюбив ее язык, историю, культуру. Русскоязычная литература Беларуси – лингвокультурный феномен, в определенной степени отражающий «модус белорусской ментальности» (термин А.Н. Андреева).

Вторая глава «Роль номинации в языковой репрезентации художественного образа» включает пять разделов.

В разделе 2.1 «Антропоним в системе номинаций персонажей» рассматриваются способы языковой репрезентации персонажа посредством антропонимной лексики. Определяется семантика и функциональная сущность личных именовании; выявляются особенности организации антропонимного пространства в идиостилиях разных авторов; прослеживается зависимость именнаречения персонажей от авторских интенций.

Антропонимное пространство исследуемого корпуса произведений представлено *реальными, прецедентными и экспрессивными* именами; последние включают в себя семантически «обнаженные» («говорящие») и фонетически измененные именованя. Данные онимы объединяют славянские (русские, белорусские, польские) и неславянские (европейские, мусульманские, армянские, библейские) личные имена. Самой значительной является группа славянских имен, представленная в основном русскими антропонимами. В прозе А. Геращенко, Э. Скобелева и В. Казакевича было зафиксировано употребление традиционных белорусских имен (*Янка, Алесь*), народных (разговорных) вариантов именовании (*Рыгорка, Ягнеша*), а также белорусских вариантов заимствованных антропонимов (*Михась, Пилип, Ничипор, Панас, Хведор, Хилимон*). Данные онимы, подчеркивающие принадлежность именуемых персонажей к белорусскому этносу, выявлены у тех писателей, которые родились и выросли в Беларуси (А. Геращенко, В. Казакевич, Э. Скобелев). Единичные имена неславянского происхождения (*Пауль, Готфрид, Герберт; Ахрем, Абжан*), помимо указания на национальную принадлежность, служат средством создания комических образов (А. Андреев) и несут отрицательные коннотации, именуя чужака (А. Геращенко, Э. Скобелев).

Реальные именованя персонажей составляют ядро антропонимных систем исследуемых произведений всех авторов, кроме А. Андреева, ядром произведений которого являются прецедентные имена (49,3%). Отличительной чертой антропонимикона А. Андреева является наличие «сквозных» имен, употребляемых автором в разных произведениях для номинации персонажей, объединенных общим признаком (например, директор книжного издательства в

романах «Для кого восходит солнце?» и «Мы все горим синим пламенем» носит имя *Лилия Мусагетовна*).

Прецедентные исторические имена советских политических деятелей выявлены в прозе всех авторов, но выполняют неодинаковые функции. Например, в произведениях Э. Скобелева данные онимы выполняют номинативную и идентифицирующую функции, а также создают иллюзию реальности происходящего; в прозе Е. Поповой и А. Андреева исторические имена (*Ленин, Сталин, Брежнев, Горбачев* и др.) имеют в основном отрицательные коннотации, что может объясняться разными факторами (например, возрастными отличиями или разницей в политических воззрениях).

К группе экспрессивных номинаций относятся семантически «обнаженные» («говорящие») и фонетически измененные имена, основной функцией которых является характеризующая. Экспрессивные «говорящие» имена придают образам персонажей рельефность и глубину: *Спартак Астрогов, Ярилин, Горяев* (А. Андреев); фонетически измененные имена служат для характеристики персонажа и / или для создания комического эффекта: *Ди-джей Скунц, Мадам Унс, Спинозогрыз, Верунья, Пюпетр, Тамара Коньстантиновна Тумань* (А. Андреев). Окказиональные фамилии-композицы, образованные по аналогии с аристократическими русскими фамилиями, только подчеркивают духовную пустоту своих носителей: *Пудикарник-Надеждин, Меченосцев-Ванюшкин, Кондыбо-Кондыбайло, Гладкая-Яичко, Сучко-Коронадо* (А. Андреев, Е. Попова). Средством антропонимной репрезентации образов в идиостиле Е. Поповой и Э. Скобелева является использование «говорящих» и прозвищных именовании: обыватель *Хомо Дриллман*, художник *Малявкин*, партизан *Кремневич*, сибарит *Крым Кавказович Кисловодский* (Э. Скобелев); скромный служащий *Тютин*, взяточник *Девятилапов* (Е. Попова).

Специфика антропонимикона В. Казакевича состоит в превалировании имен-аллюзий, создающих комические художественные образы и реализующих интертекстуальный потенциал произведений (35%): *Брат приказывал рассказывать ему на ночь сказки, и я начинал шептать жуткую историю... В этой фантастической белиберде галантные французские мушкетеры действовали вместе с массивными, как платяной шкаф, русскими богатырями. Рыцарь Айвенго и капитан Немо на таранной подлодке помогали им биться с черными, как тараканы, эсэсовцами и с запроваленным горючей смесью Змеем Горынычем* (В. Казакевич. Наедине с тобой, брат).

В разделе 2.2 «Безымянность как способ номинации» устанавливается роль *неимения имени* в именовании персонажей исследуемой прозы. Наиболее рельефно категория безымянности проявляется в произведениях А. Андреева, являясь, в частности, глубинным мотивом романа «Всего лишь зеркало». В самом названии романа заключены имплицитные смыслы, одним из которых является тема двойничества, воплощаясь в мотиве безымянности: на протяжении всего романа герой предпочитает скрывать свое имя под классической формулой *господин N*. Для своего умершего друга-двойника *господин N* придумывает семантически прозрачное именование *Zero* (от фр. «zero» – «ноль»). Именование *Zero* является *онимическим фантомом* (термин

Н.В. Васильевой), амбивалентно существующим в сознании *господина N: мой несуществующий, но несомненно реальный друг Zero*. Данное имя характеризует не только носителя, но и самого *господина N*, способного рассматривать смерть как закономерный исход жизни, отнюдь не эквивалентный забвению: *«Память друзей – вот лучший памятник»*.

Соккрытие имени персонажа является наиболее распространенным приемом реализации безымянности в идиостиле А. Андреева; единично встречается в прозе Е. Поповой (*Шрибинда, Зента, Вася У.; чиновник Ф-о*); неимение имени как знак лишения индивидуальности выявляется в фантастических рассказах А. Геращенко (*Даша-2, Шестун-2; М1, М2, М3*), Э. Скобелева (*ПК-183907, БЖ-807333, ИЖ-200201*), Е. Поповой (*Малышка*). Таким образом, безымянность является сложным, семантически неоднородным явлением, служащим своеобразным приемом именованности персонажей и средством создания художественных образов, и маркирует *физическое несуществование персонажа и отсутствие индивидуальности*.

К феномену безымянности относятся и *номинации-идентификаторы* персонажей, образованные путем онимизации апеллативов, в которых выделяются следующие семантические группы: 1) внешний признак человека: *Коренастый, Длинный, Седой*; 2) род занятий: *Поэт, Главный режиссер, Прима, Бухгалтер*; 3) социальное положение, должность: *г-н Шульц, Директор; крупный чиновник Ф-о*; 4) родственные отношения (именование построено по модели «апеллятив (сущ. в им. п.) + антропоним / онимизированный апеллятив (сущ. в род. п.): *жена Бухгалтера, муж Нины Лапсердак* и др.

В прозе В. Казакевича, характеризующейся «всеобщим одушевлением», категория безымянности выступает, в частности, в роли средства именованности кошки: *Никакого имени мы кошке не дали. Все называли ее просто – кошка. Было в этом что-то бессознательно-правильное. Кошка, которую называют просто кошкой, существует как бы в единственном экземпляре, не имея себе подобных. Возможно, в ее безымянности скрывался и намек на ее особое положение в доме: разделяя с нами общую жилплощадь, она принадлежала совсем другому, ускользающе недоступному миру. В мерном кошачьем урчанье слышался полусонный рассказ... о свободе, о принадлежности никому и ничему в нескончаемом мире* (В. Казакевич «Кошка»). В прозе В. Казакевича и А. Андреева безымянность как смысловая категория оказывается тесно связанной с *иным*, свободным, неподвластным человеку миром.

Безымянность в художественном тексте выполняет те же функции, что и имя: в частности, *иллюзионизирующую* функцию, состоящую в способности имени собственного создавать и поддерживать иллюзию реальности вымышленного мира. В имитирующем реальный мир текстовом пространстве категория безымянности конструирует еще один мир, являющийся ирреальным по отношению к исходному. Эти миры, отражаясь друг в друге, способны создавать эффект зазеркалья, в связи с чем представляется возможным выделить у безымянности функцию *метаиллюзорности*. Маркеры безымянности создают *метаиллюзорное* художественное пространство.

Раздел 2.3 «Топоним как средство создания художественного образа» посвящен выявлению образного и этнокультурного потенциала топонимов, реализующегося в художественном пространстве исследуемых произведений. В создании художественных образов участвует три группы топонимов: *реальные, ирреальные, символические*.

Реальные топонимы часто используются в речи персонажей с целью показать их собственное отношение к называемым объектам. Особый пласт реальных топонимов составляют урбанонимы советского времени, несущие идеологические коннотации (улицы *Красная, Коммунистическая, Революционная, Советская*, проспект *Ленина*). К реальным топонимам относятся «сквозные» географические названия. В прозе А. Андреева таким топонимом является Минск: с одной стороны, шумный, «хлопотливый» мегаполис, с другой, – «замечательный провинциальный город».

К ирреальным причислены мифотопонимы: *Перунова Кобь, Гадюкин лес* (В. Казакевич, Э. Скобелев) и астрономы: планета-гигант *Цербер*, спутник *Цербера Минск*, планета *Терра*, звезда *Гефест* (А. Геращенко). Топонимы-символы выявлены в прозе Э. Скобелева (*Гефсиманский сад, Тегусигальна*) и Е. Поповой (*Театр, Музей*).

Одним из ключевых топонимов исследуемой прозы является *Город* – не столько ойконим, сколько понятие, превращающееся в сложный образ-символ, сочетающий в себе, с одной стороны, жизнь многих, с другой – интимное существование одного. В идиостиле А. Андреева город предстает как художественный образ пространства, являясь не только неотъемлемым и важным элементом жизни героя, но и средством его косвенной характеристики. Например, нарратор, выражающий свое восхищение Минском, ассоциируется в сознании читателя с образом города: *Мне нравится, когда город весенней порой и летними вечерами плюет на все имиджи и выглядит таким, как он есть. А он молодой, глупый, вдобавок искренний* (А. Андреев, «Легкий мужской роман»). В прозе Е. Поповой *Город* приобретает имя и превращается в полноправного героя произведения: *Она привыкла к Городу, а гигантский Город привыкал к ней. Она знала: еще немного и он будет с ней говорить...* (Е. Попова «Восхождение Зенты»). В произведениях Э. Скобелева город с его правилами жизни является символом нового уклада, пришедшего на смену традиционным ценностям: *Панские Тополя почти обезлюдели. В бараках остался десяток семей, а то и меньше. Другие переехали в город, получили квартиры ... Эти, что остались на Тополях, мирлись с неудобствами. Видимо, хотели повременить с наступлением новой эпохи в своей судьбе...* (Э. Скобелев «Пересечение параллельных»).

Топонимы являются хранителями этнокультурной информации, выразителем которой может служить внутренняя форма онима: комоним *Панские Тополя*, гидроним *Перунова Кобь*, дримоним *Гадюкин лес*.

В **разделе 2.4 «Роль апеллятивных единиц в именовании персонажа»** выявляется роль нарицательных именовании в исследуемой прозе. Имя собственное является далеко не единственным «индексом» (Л.Я. Гинзбург) и способом характеристики персонажа: апеллятив, указывая на свойства

персонажей и / или выражая эмоциональное отношение к ним автора, участвует в создании экспрессивно-изобразительного плана художественного образа (*солнечный человек, помощница, розовощекая плотная девка*). Являясь полифункциональной частью речи, существительное может выступать не только в качестве номинации предмета, но и быть средством его характеристики, т.е. выполнять предикативную функцию. Предикатные номинации в художественном тексте служат созданию многомерного художественного образа: *Саша Иванов был сухой, поджарый, с задубевшим от времени и от ветров жизни лицом... Саша знал, что все, что он знает о жизни, весь его жизненный опыт невозможно уместить в слова, поэтому он молчал* (Е. Попова «Восхождение Зенты»). Саша как человек, знающий цену Слову, олицетворяет собой духовное начало романа.

В прозе А. Андреева предикативные номинации служат эффективным средством создания экспрессивных художественных образов: *прилежный воспитанник СМИ, женщина – это интонация плюс тембр*. Номинации персонажей произведения представляют собой систему, в которой отражается эволюция образа. Такова, например, система номинаций героини рассказа В. Казакевича «Марьяна»: *наша нянька и по совместительству наш работник Балда; нянька-голец; нянька-баюн; состарившаяся нянька*; и только после смерти полная формула именованного: *Мария Ивановна Миколуцкая*.

Среди языковых средств создания персонажей можно отметить языковую игру, экспрессивность, окказиональное словообразование. Так метафорически преобразованные апеллятивные номинации в современной прозе способствуют приращению смыслов, рождая оригинальные художественные образы.

В разделе 2.5 «**Специфика именованных персонифицированных образов**» рассматриваются особенности номинации фрагментов неживого мира. Основным способом языкового воплощения таких образов в исследуемой прозе является персонификация. Круг персонифицируемых предметов очень широк: он может распространяться на любые явления и категории окружающего мира. В исследуемых идиостиллях обнаружен 521 случай персонификации. Сквозной анализ персонифицированных образов с целью определения денотата персонификации позволил нам выявить тематические группы «Предметы», «Животный мир», «Растительный мир», «Явления природы», «Понятия», «Небесные тела», иллюстрирующие лексическую специфику образов. Например, в идиостиле В. Казакевича, где персонификация является ведущим стилистическим приемом создания образов, персонифицируются в основном лексемы тематической группы «Предметы», приобретая при этом дополнительные коннотации и реализуя имплицитный образный потенциал: 1) *Колеса самолета с ужасом теряют под собой почву*; 2) *В наследство от типографии были еще получены старый диван, его сестра – кушетка и компания разночинных стульев*.

Анализ семантики персонификаторов позволил нам выделить 5 семантических классов: 1) «Психические процессы»: *на чердаке лежали старые журналы, всем своим видом говорящие: надежд на то, что их однажды прочтут, у них не осталось* (В. Казакевич); 2) «Речевая

способность»: *Лягушки и жабы устраивали по ночам ужасную переключку. А когда они стихали, в доме принимались петь наехавшие из деревень сверчки* (В. Казакевич); *Ворон прокричал старческое «чего-чего?»* (Э. Скобелев); 3) «Качества характера»: *Ехидно улыбается сытая морда луны* (А. Андреев); *кроток и безопасен для них был голубой экран телевизора* (Е. Попова); 4) «Эмоциональные реакции, состояния, оценка»: *Деревья у жилых домов – как обомлели – ни вдоха* (Э. Скобелев), *Шум листвы перерос в раскатистый хохот* (А. Андреев) и др.; 5) «Физические свойства и состояния живого организма»: *В голову Зенты вошла ясная, хрустальная тишина* (Е. Попова) и 2 малочастотные группы: «Социальное взаимодействие»: *за перегородкой перехрюкивались поросята* (В. Казакевич) и «Родственные отношения»: *Яблоня будто приходилась дальней родственницей бабабу* (В. Казакевич).

Основным приемом персонификации художественных образов является антропоморфизация, т.е. наделение неодушевленных предметов или явлений характеристиками человека (64,5%). 35,5% персонифицированных образов появились в результате присвоения предметам качеств живой материи: способности к обмену веществ и обмену энергией с окружающим миром.

Третья глава «Речевой портрет как средство реализации языковой личности персонажа» включает 2 раздела.

Раздел 3.1 «Идиолексикон персонажа – основа модели речевого портрета», состоящий из двух подразделов, посвящен анализу категории «речевой портрет» и содержит характеристику идиолексикона языковой личности определенного персонажа. Поскольку одной из задач нашего исследования является характеристика белорусской языковой личности (с оговоркой на художественную условность), наиболее подходящей для определения этнокультурной специфики мы сочли героиню повести В. Казакевича «Охота на майских жуков» Марьяну – простую женщину из глухой деревни, обладающую при этом яркой индивидуальностью.

В первом подразделе описывается моделирование речевого портрета персонажа, включающего следующие этапы: 1) тотальная выборка субдискурсов персонажа; 2) выявление языковой специфики его речи; 3) описание речевых характеристик – конкретных особенностей речевого поведения персонажа, представленных в тексте лингвостилистическими маркерами различных языковых уровней или эксплицированных в комментариях рассказчика; 4) выделение в идиолексиконе персонажа лексических ассоциативно-семантических доминант; 5) определение концептуальных семантических зон, отражающих основные фрагменты моделируемой картины мира; 6) описание речевого портрета на основании полученной в результате анализа информации.

С целью моделирования речевого портрета указанной героини была произведена тотальная выборка ее субдискурсов (66 единиц), представленных в форме прямой (44), косвенной (7), несобственно-прямой речи (15).

Лингвистический анализ идиолексикона выявил специфику речи героини, заключающуюся в: 1) нарушении фонетических норм просторечного характера: *теревизер, втыкну, спинжак, ероплан, поспробовать* (7,6%); 2) оперировании

«воспроизводимыми» текстами простонародных архаичных форм (песни, поговорки); 3) употреблении просторечных слов (7,6%): *девка, страхолюдина, причиндалы*; 4) частотном использовании белорусизмов (11,5%): *батька, бульба, сховаю, зрукать*; однотипных грамматических диалектизмов: *ложжуся, молюся, напьюся*; 5) употреблении суффиксов субъективной оценки (4,2%): *котик, желтусенький, цветики*. Эти данные позволяют квалифицировать героиню как малообразованную, но яркую эмоциональную языковую личность, являющуюся носителем белорусской словесной художественной народной традиции.

Во втором подразделе выявляются особенности семантики дискурса персонажа с помощью выделения в его речи тематических зон, или *концептуальных категорий*. Словник идиолексикона героини, который включает в себя 925 словоупотреблений 424 разных слов, является лексически небогатым. В речи Марьяны нами были выделены ключевые слова-темы, или *ассоциативно-семантические лексические доминанты* (по Ю.Н. Караулову), вокруг которых формируются семантические группы. Основными критериями выделения являются частотность и повторяемость лексем. Таковыми оказались 20 лексических доминант, образующие 5 семантических групп: *дом, движение, общение, деньги, смерть*. Данные группы, конденсирующие смыслы в пределах ассоциативно-семантической сети, отражают тезаурус (картину мира) персонажа. Выделенные узлы ассоциативно-семантической сети целесообразно рассматривать в составе следующих дихотомий: *дом (семья) / отсутствие дома (сиротство)*; *движение (бег от себя) / остановка (страх одиночества)*; *общительность / одиночество*; *деньги (хитрость, выгода) / нужда (наивность, ущерб)*; *смерть / жизнь*. На основе тематических узлов можно определить более крупные семантические зоны: *одиночество, мудрость, любовь*. С одной стороны, Марьяна является воплощением классического литературного типа «маленького человека», с другой, – присущие героине мудрость, бескорыстие, искренность, любовь к людям и ко всему живому превращают ее в образ, который можно поставить в один ряд с князем Мышкиным Ф.М. Достоевского, Матреной А.И. Солженицына.

В разделе 3.2 «Способы репрезентации речевого портрета» рассматриваются основные формы передачи речи персонажей. Исследование проводилось методом выборки корпуса диалогических фрагментов в исследуемых идиостилиях (940 единиц) в формах *прямой речи* (55,6%), *косвенной речи* (20,1%), *несобственно-прямой* (13,5%) и *внутренней речи* (10,8%). Конструкции с прямой речью являются преобладающей формой репрезентации диалога в каждом из идиостилей, поскольку прямая речь служит средством, наиболее адекватно отражающим реальное речевое поведение человека. Косвенная речь вводится автором в повествование в форме изъяснительной придаточной части сложноподчиненного предложения; центром, организующим всю конструкцию, являются слова автора, т.е. главная часть предложения. Конструкции с прямой речью преобладают в прозе В. Казакевича (67,2%) и А. Геращенко (66,4%). Косвенная речь выявляется в

исследуемых идиостильях значительно реже и в количественном отношении приблизительно одинакова у всех авторов (19–20%).

Особое внимание уделяется рассмотрению феномена интериоризации – перевода внешних впечатлений во внутренний план сознания как основы вербализации мыслей, чувств, состояний, проявляющихся в формах несобственно-прямой и внутренней речи. Интериоризация речевых поступков, по Ю.Н. Караулову, является важнейшей характеристикой языковой личности персонажа, поскольку отражает его духовный облик.

В исследуемой прозе выявляется тенденция к возникновению диалогического взаимодействия в рамках несобственно-прямой речи – речи повествователя, пронизанной лексико-семантическими и синтаксическими особенностями речи персонажа. Экспрессивность диалога с несобственно-прямой речью создается за счет замены первого лица третьим, активного использования вопросительных и восклицательных предложений, изменения регистра наклонений, трансформации повествовательного лица. Будучи сложным семантико-грамматическим образованием, представляющим собой «сплав» авторского и персонажного дискурсов, несобственно-прямая речь является важным источником характеристики персонажа.

Особенности семантики и контекстуальной обусловленности внутренней речи позволяют рассматривать ее как особый вид диалога. Специфика внутренней речи как психологического феномена вытекает из ее основополагающего свойства речи «для себя» и отражает эмоционально-мыслительную деятельность персонажа. В прозе современных белорусских авторов внутренняя речь по-разному участвует в формировании речевого портрета героя: она может представлять весь речевой план персонажа, формируя внутренний диалог, может быть только его частью, представляя одну из реплик. Во всех разновидностях внутренняя речь является структурообразующим элементом речевого портрета персонажей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

1. Понятие *художественный образ* включает в себя не только изображение человека, но и персонифицированных объектов (предметов, явлений) окружающего его мира. В рамках данного подхода к понятию образа реализуется антропоцентрический принцип в лингвистике. Основными содержательными аспектами создания образа в русскоязычном художественном тексте являются средства номинации (поэтонимы, апеллятивы, категория безымянности); лексико-семантические, грамматические, стилистические средства создания речевого портрета и способы его реализации в форме прямой, косвенной, несобственно-прямой и внутренней речи.

Ономастические единицы являются наиболее значимыми средствами номинации персонажей в исследуемой прозе. В антропонимном пространстве

исследуемого корпуса произведений (2139 единиц) выделяются 3 основных типа антропонимов: реальные (1126 единиц, или 52,6%), прецедентные (725 единиц, или 33,9%) и экспрессивные имена (288 единиц, или 13,5%), включающие в себя семантически прозрачные, или «говорящие» (228 единиц, или 10,6%) и фонетически измененные (60 единиц, или 2,8%) именованя.

Реальные антропонимы составляют ядро антропонимикона произведений всех авторов, кроме А. Андреева, и представлены различными группами онимов. Самой значительной является группа, объединяющая славянские (1069 единиц), в основном русские имена (1049 единиц). Употребление белорусских антропонимов, выявленных в прозе Э. Скобелева, В. Казакевича и А. Геращенко (13 единиц, или 0,6%) в определенной степени обусловлено тем, что указанные писатели являются этническими белорусами. Имена неславянского происхождения (европейского, мусульманского, библейского именников), выявленные в исследуемой прозе (57 единиц, или 2,6%), помимо номинативной часто выполняют информативную и экспрессивно-стилистическую функции. Позволяя квалифицировать именуемого как чужака, они воплощают дихотомии *свой / чужой* и *хорошо / плохо* в прозе Э. Скобелева и А. Геращенко. Нетрадиционным образом организовано антропонимное пространство в прозе А. Андреева: ядром произведений автора являются прецедентные имена (388 единиц, или 49,3%), в околоядерное пространство входят реальные (260 единиц, или 33%) и экспрессивные именованя (122 единицы, или 15,5%). Отличительной чертой антропонимикона писателя является употребление «сквозных» имен.

Характерным средством эксплицитной характеристики персонажей в идиостиле Е. Поповой и Э. Скобелева является частотное использование экспрессивных именований (20,8% и 11,7% соответственно). Исторические имена, представляя собой малочастотную группу (3,4%), несут дополнительную смысловую нагрузку. В частности, имена советских политических деятелей в произведениях Е. Поповой и А. Андреева (в отличие от прозы Э. Скобелева) имеют отрицательные коннотации. Отличительная черта антропонимикона В. Казакевича состоит в превалировании прецедентных имен-аллюзий (35%), реализующих интертекстуальный потенциал произведения и создающих комические художественные образы. В идиостиле А. Геращенко антропонимы реального именика представлены наиболее частотно (78,4%) по сравнению с другими авторами, в то время как исторические именованя употребляются наименее частотно (1,7%).

Совокупность апеллативных единиц, именующих определенный персонаж, представляет собой систему, в которой отражаются его основные черты, эволюция характера и даже в некоторой степени судьба. Интродуктивные и предикативные окказиональные номинации служат средством создания художественных образов в прозе А. Андреева: *поколение пенсионеров, политпроходимец*. Среди языковых средств создания образов можно отметить языковую игру, экспрессивность, окказиональное словообразование. Метафорически преобразованные апеллативные номинации

в современной прозе способствуют приращению смыслов, рождая интересные художественные образы [4; 8; 10; 11; 12; 19; 25; 26].

2. Безымянность – сложное, семантически неоднородное явление, служащее своеобразным способом именованья персонажа и создания интересных, иногда парадоксальных художественных образов. Категория безымянности, воплощая дихотомию *имя / отсутствие имени*, включает в себя метаморфозы, связанные с переходами *имя ↔ безымянность*, и служит знаком физического несуществования персонажа (*Zero*) и как знак отсутствия индивидуальности (*Малышка*). Соккрытие имени является наиболее распространенным приемом в идиостиле А. Андреева, единично встречается у Е. Поповой (йог *Шрибинда*); *неимение* имени как знак лишения индивидуальности выявляется в фантастических рассказах А. Геращенко (роботы *Даша-2*, *Шестун-2*; *М1*, *М2*, *М3*) и Э. Скобелева (люди будущего *ПК-183907*, *БЖ-807333*), Е. Поповой (художник *Вася У.*).

Безымянность в художественном тексте не только выполняет функцию создания и поддержания иллюзии реальности, но способна конструировать еще один – параллельный – мир, который является ирреальным уже по отношению к исходному (также нереальному). Данные миры, отражаясь друг в друге, преломляются, искривляются – возникает эффект зазеркалья, рождающий *металлюзорное* художественное пространство. Таким образом, представляется возможным выделить в безымянности функцию *металлюзорности*.

Языковая репрезентация безымянности тесно связана с ее полифункциональностью. Чаще всего она репрезентируется в развернутых контекстах и выражается существительными с местоименными и/или адекативными идентификаторами (*мой дорогой друг*), «классическими» именованьями-шифрами (*господин N*), прозвищами (*Будда*, *Zero*). Особую роль играют стилистические средства: эпитеты (*добрейший*, *вполне добропорядочный*), перифразы, деминутивные формы, а также художественные приемы литературной реминисценции (*работник Балда*) [8; 12; 27].

3. Топонимы играют важную роль в создании художественных образов в исследуемой прозе. Нами были выявлены *реальные*, *ирреальные* и *символические* топонимы. Выявленные в прозе В. Казакевича реальные ойконимы *Саськовка*, *Лубяны*, *Мокряны*, гидронимы *Ослик*, *Лихва* являются средствами, создающими образ малой родины писателя (деревня Бельничихи Могилевской области). Особый пласт реальных топонимов составляют урбанонимы, характерные для советской эпохи, которые несут идеологические коннотации (Е. Попова), а также «сквозные» географические названия (*Минск* у А. Андреева). К ирреальным топонимам причислены мифотопонимы (В. Казакевич, Э. Скобелев); астронимы (А. Геращенко). Топонимы-символы, содержащие имплицитные смыслы, выявлены в прозе А. Андреева (*Минск*), Е. Поповой (*Театр*, *Музей*), Э. Скобелева (*Тегусигальна*, *Гефсиманский сад*). Одним из ключевых топонимов в исследуемой прозе является *Город*, который, аккумулируя имплицитные смыслы, предстает как художественный образ пространства у А. Андреева, как персонаж произведения – у Е. Поповой, как символ новой жизни – у Э. Скобелева.

К топонимам, транслирующим этнокультурную информацию, относятся ойконимы: деревня *Панские Тополя*, мифотопонимы: *Гадюкин лес*, река *Перунова Кобь*. Например, этимология последнего из одноименного рассказа У. Скобелева восходит к языческим верованиям славян: «Перун» в языческой мифологии – бог грозы; слово «кобь», обозначающее древнее славянское гадание по полету птиц, имеет и другое значение: *злой, плохой человек*. Использование в рассказе данного гидронима не только неслучайно, но несет глубинную лингвокультурную информацию: по преданию, на этом месте когда-то была «священная роща» с красивым именем (1-ое значение), прошло время, и она превратилась в «безымянный ручей», утратив имя, что, по верованиям древних, означало смерть (2-ое значение). То есть семантика топонима со временем изменилось на противоположную: из обозначения священного пространства – названия реки, дарующей жизнь, – оно превратилось в «гиблое» место, несущее смерть. Семантика топонима вмещала в себе, по крайней мере, два значения, одно из которых постепенно вытеснило другое (произошла трансэтимологизация онима). Так, топоним *Перунова Кобь* не только «предсказал» судьбу героев (на «гиблом месте» они были убиты), но оказался хранителем и транслятором определенной информации о событиях минувших лет [3; 11; 18; 21; 23; 24].

4. Персонификация является важным способом создания художественных образов в исследуемой прозе. Выявлено 6 тематических групп, лексемы которых составляют денотат персонификации. Денотативное ядро сферы всех персонифицируемых образов составляют лексемы тематической группы «Предметы», в околоядерное пространство входят лексемы групп «Животный мир», «Явления природы», «Понятия», «Растительный мир», на периферии оказывается группа «Небесные тела». Персонификация является ведущим стилистическим приемом создания художественных образов в прозе В. Казакевича (51,8%) и реализуется в основном в рамках тематической группы «Предметы», в которой олицетворяются объекты, обладающие, на первый взгляд, незначительным образным потенциалом: *Корыта и бельеварки получали дар речи и начинали бубнить цинковыми голосами*.

Анализ семантики персонификаторов позволил нам выделить семантические классы «Психические процессы», «Речевая способность», «Качества характера», «Эмоциональные реакции, состояния, оценка», «Физические свойства и состояния живого организма» и две малочастотные группы «Социальное взаимодействие» и «Родственные отношения». Художественные образы, предметом персонификации которых являются присущие человеку качества, встречаются наиболее часто (64,5%), что является показателем антропоцентричности, поскольку окружающий человека мир в пространстве художественного текста рассматривается как открытая живая сущность, неразрывно связанная с миром человека. Наличие ярких персонифицирующих контекстов с лексемами выявленных групп доказывает, что персонификация продолжает активно развиваться, приобретая новые формы осмысления и языкового воплощения предметов и явлений в современной русскоязычной белорусской прозе [1; 14; 15; 25; 26].

5. Речевой портрет, являясь способом реализации языковой личности, представляет собой совокупность присущих только данной языковой личности элементов. Основой модели речевого портрета служит идиолексикон: отражая владение лексико-грамматическим фондом языка, он репрезентирует картину мира и служит средством реализации коммуникативных потребностей личности. Предложенный нами лингвистический анализ заключается в попытке систематизировать всю совокупность текстов героя с целью дать ему целостную характеристику, раскрыв, таким образом, сложный художественный образ, в основе которого лежит духовное ядро личности.

Основными способами репрезентации речевого портрета являются *прямая, косвенная, несобственно-прямая и внутренняя речь*. Предпочтение выявления речевого и коммуникативного воплощения персонажей через интериоризованные формы дискурсов обусловлено тем, что типологизация диалогов в модусе прямая / косвенная речь не является исчерпывающей в силу многообразия типов взаимодействия разных сознаний, отраженных в диалоге.

В современной белорусской прозе, характеризующейся активным взаимодействием речевых сфер рассказчика и персонажей, наблюдается тенденция к возникновению диалогического контакта в рамках несобственно-прямой речи. Средством языковой репрезентации несобственно-прямой речи служит взаимосвязь грамматических (изменение регистра времен и наклонений, трансформация повествовательного лица), лексико-стилистических (модальные слова, частицы, элементы лексики персонажа) и синтаксических (использование вопросительных и восклицательных предложений) средств. Несобственно-прямая речь как стилистический прием наиболее часто выявляется в прозе Е. Поповой (22,9%), где авторская оценка событий сочетается с преломлением их сквозь призму восприятия персонажа, рождая смысловую полифонию.

Внутренняя речь является структурообразующим элементом речевого портрета персонажей. Особенности семантики и контекстуальной обусловленности внутренней речи позволяют рассматривать ее как особый вид диалога. В прозе современных белорусских авторов внутренняя речь может представлять весь речевой план персонажа, формируя внутренний диалог, а может быть только его частью (представлять одну из реплик). Являясь одним из средств психологизации образа, наиболее частотно внутренняя речь употребляется в прозе А. Андреева, характеризующейся интеллектуально-философской рефлексией (18,1%) [1; 2; 5–7; 9; 13; 17; 20; 22].

Рекомендации по практическому использованию результатов

Материалы и результаты исследования могут быть использованы:

1) в научно-исследовательской деятельности при разработке теоретических проблем, связанных с языковым воплощением художественного образа в литературных произведениях (теория номинации, литературная

ономастика, лингвокультурология, лингвопоэтика, интерпретация художественного текста);

2) в учебно-методической работе учреждений высшего образования при чтении курсов по общему и сопоставительному языкознанию, ономастике, стилистике; на занятиях, спецкурсах и семинарах по литературной ономастике, лингвистике текста, лингвокультурологии, этнолингвистике; при написании курсовых, дипломных, магистерских работ; при составлении учебных пособий;

3) в литературоведении при изучении литературного наследия русскоязычных писателей Беларуси рубежа XX–XXI вв., при написании комментариев к текстам их произведений и составлении словарей по творчеству писателей указанного периода;

4) в учебном процессе учреждений общего среднего образования: на уроках русского языка и литературы, факультативных занятиях и занятиях в объединениях по интересам. Отдельные результаты исследования нашли применение в учебном процессе учреждений общего среднего образования г. Витебска (акт внедрения от 25.03.2013; акт внедрения от 10.10.2013).

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых периодических изданиях

1. Трощинская-Степушина, Т.Е. Персонаж художественного произведения как языковая личность / Т.Е. Трощинская-Степушина // Сб. науч. тр. Нац. пед. ун-та. – 2011. – Вып. 6 : Современные тенденции развития языков. – С. 181–184.

2. Трощинская-Степушина, Т.Е. Коммуникативные особенности речевого поведения персонажа в художественном тексте / Т.Е. Трощинская-Степушина // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2012. – № 1. – С. 81–87.

3. Трощинская-Степушина, Т. Е. Город как символ: от пространства к имени / Т.Е. Трощинская-Степушина // Ученые зап. Таврич. нац. ун-та. Сер. Филология. Социальные коммуникации. – 2012. – Т. 25 (64), № 1. – Ч. 1. – С. 446–450.

4. Трощинская-Степушина, Т.Е. Поэтика имени в прозе В. Казакевича / Т.Е. Трощинская-Степушина // Ученые зап. УО «Витеб. гос. ун-т імя П.М. Машэрава»: сб. науч. тр. Сер. Филология. – 2012. – Т. 14. – С. 177–184.

5. Трощинская-Степушина, Т.Е. Несобственно-прямая речь как средство создания лингвистического портрета героя / Т.Е. Трощинская-Степушина // Ученые зап. Таврич. нац. ун-та. Сер. Филология. Социальные коммуникации. – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – Ч. 1. – С. 63–67.

6. Трощинская-Степушина, Т.Е. Лингвистическое воплощение героя в диалоге (на материале русскоязычной прозы современных белорусских авторов) / Т.Е. Трощинская-Степушина // Вестн. Мин. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2013. – № 2 (63). – С. 118–126.

7. Трощинская-Степушина, Т.Е. Раскрытие образа героя в диалогах смешанного типа (на материале современной русскоязычной прозы Беларуси) / Т.Е. Трощинская-Степушина // Весн. Беларус. дзярж. пед. ун-та. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2013. – № 3. – С. 65–68.

8. Трощинская-Степушина, Т.Е. От реального имени к вымышленному: антропонимикон современной белорусской прозы (на материале произведений русскоязычных писателей) / Т.Е. Трощинская-Степушина // Състояние и проблеми на българската ономастика. – 2013. – Т. 13. – С. 88–106.

Статьи в сборниках научных трудов

9. Трощинская-Степушина, Т.Е. Диалог как речевая характеристика героя / Т.Е. Трощинская-Степушина // Слова ў мове, маўленні, тэксе : зб. навук. прац маладых вучоных-філолагаў / Брэсц. дзярж. ун-т; рэдкал. : В.Б. Пераход [і інш.]. – Брэст, 2011. – С. 205–207.

10. Трощинская-Степушина, Т.Е. Антропоним как основное средство идентификации персонажа / Т. Е. Трощинская-Степушина // Актуальныя праблемы мовазнаўства і лінгвадыдактыкі : зб. навук. арт. : у 2 ч. / Брэсц. дзярж. ун-т; рэдкал. : М.І. Новік [і інш.]. – Брэст, 2012. – Ч. 2. – С. 140–144.

11. Трощинская-Степушина, Т.Е. Ономастические процессы в пространстве художественного текста / Т.Е. Трощинская-Степушина // Смоленск и Смоленщина в именах и названиях: история и современность (к 1150-летию со дня основания города) : сб. ст. по материалам докл. и сообщ. конф., Смоленск, 4–5 окт. 2012 г. / Смол. гос. ун-т; редкол. : И.А. Королева [и др.]. – С. 266–272.

12. Трощинская-Степушина, Т.Е. Ономастические реминисценции как способ характеристики персонажа (на материале прозы русскоязычных писателей Беларуси) / Т.Е. Трощинская-Степушина // Scripta manent: сб. науч. работ студентов, магистрантов и аспирантов-филологов / Смол. гос. ун-т; редкол. : М.П. Тихонова [и др.]. – Смоленск, 2012. – Вып. XVIII. – С. 122–127.

13. Трощинская-Степушина, Т.Е. Контекст как средство драматизации диалога / Т.Е. Трощинская-Степушина // Русский язык: история, диалекты, современность : сб. науч. работ / Моск. гос. обл. ун-т; редкол. : Л.Ф. Колосов [и др.]. – Москва, 2013. – Вып. XIII. – С. 195–198.

14. Трощинская-Степушина, Т.Е. Слово как форма образа / Т.Е. Трощинская-Степушина // Scripta manent: сб. науч. работ студентов, магистрантов и аспирантов-филологов / Смол. гос. ун-т; редкол. : М.П. Тихонова [и др.]. – Смоленск, 2013. – Вып. XIX. – С. 13–16.

Материалы конференций

15. Трощинская-Степушина, Т.Е. Роль метафоры в создании образа героя в художественном произведении / Т. Е. Трощинская-Степушина // Риторика в свете современной лингвистики : тез. докл. VII Межвуз. конф. памяти Засл. деятеля науки РФ, проф. Э.М. Береговской, Смоленск, 7–8 июня

2011 г. / Смол. гос. ун-т; редкол. : М.П. Тихонова [и др.]. – Смоленск, 2011. – С. 153–156.

16. Трощинская-Степушина, Т.Е. Заглавие как компонент художественного текста: семантический аспект / Т.Е. Трощинская-Степушина // Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию проф. П.П. Шубы) : сб. материалов V Междунар. науч. конф., Минск, 11–12 окт. 2011 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : И.С. Ровдо [и др.]. – Минск, 2011. – С. 201–204.

17. Трощинская-Степушина, Т.Е. Персонаж как субъект внутритекстовой коммуникации / Т.Е. Трощинская-Степушина // Теория и технология иноязычного образования : материалы I (V) Междунар. науч.-метод. конф., Киев, 27–28 окт. 2011 г. / Нац. пед. ун-т ; редкол. : В.И. Гончаров [и др.]. – Киев, 2011. – С. 114–115.

18. Трощинская-Степушина, Т.Е. Топоним в художественном тексте как средство создания образа героя / Т.Е. Трощинская-Степушина // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XVII (64) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 14–15 марта 2012 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол. : А.П. Солодков [и др.]. – Витебск, 2012. – Т. 1. – С. 207–209.

19. Трощинская-Степушина, Т.Е. Антропонимикон прозы Е. Поповой / Т.Е. Трощинская-Степушина // VI Машеровские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 27–28 сент. 2012 г. / Вит. гос. ун-т ; редкол. : А.П. Солодков [и др.]. – Витебск, 2012. – С. 277–278.

20. Трощинская-Степушина, Т.Е. Художественный дискурс в социокультурном контексте / Т.Е. Трощинская-Степушина // Язык – когниция – социум : тез. докл. Междунар. науч. конф., Минск, 12–13 нояб. 2012 г. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол. : З.А. Харитончик [и др.]. – Минск, 2012. – С. 206–207.

21. Трощинская-Степушина, Т.Е. Топоним как средство языковой репрезентации образа героя (на материале произведений русскоязычных авторов Беларуси) / Трощинская-Степушина Т.Е. // Традиционная культура на территории Российско-Белорусского пограничья: историко-этнографический и лингвокультурологический аспекты : материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф., Новозыбков, 14–15 нояб. 2012 г. / филиал Брян. гос. ун-та; редкол. : С.И. Стародубец [и др.]. – Брянск, 2012. – С. 429–431.

22. Трощинская-Степушина, Т.Е. Внутренняя речь как отражение эмоционально-мыслительной деятельности героя / Т.Е. Трощинская-Степушина // Наука – образованию, производству, экономике : материалы XVIII (65) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 13–14 марта 2013 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол. : А.П. Солодков [и др.]. – Витебск, 2013. – С. 264–266.

23. Трощинская-Степушина, Т.Е. Символика топонима в художественном тексте (на материале прозы Е. Поповой) / Т.Е. Трощинская-Степушина // Риторика в свете современной лингвистики : тез. докл. VIII

Межвуз. конф., Смоленск, 4–5 июня 2013 г. / Смол. гос. ун-т; редкол. : М.П. Тихонова [и др.]. – Смоленск, 2013. – С. 113–115.

24. Трошинская-Степушина, Т.Е. «Город» в прозе Е. Поповой и А. Андреева / Т.Е. Трошинская-Степушина // VII Машеровские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 24–25 сент. 2013 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол. : А.П. Солодков [и др.]. – Витебск, 2013. – С. 237–240.

25. Трошинская-Степушина, Т.Е. Интерпретация художественного образа в аспекте лингвопоэтики / Трошинская-Степушина Т.Е. // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы взаимодействия в контексте единого социокультурного пространства – история и перспективы : материалы XV Междунар. науч.-практ. конф., Новозыбков, 17–18 окт. 2013 г. / филиал Брян. гос. ун-та ; редкол. : В.В. Мищенко [и др.]. – Брянск, 2013. – С. 226–230.

26. Трошинская-Степушина, Т.Е. Специфика художественного образа: понятие, типология, структура / Т.Е. Трошинская-Степушина // На хвалах мовы: да 90-годдзя з дня нараджэння акадэміка М.В. Бірылы : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 10–11 верас. 2013 г. / Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ. ; Ін-т мовы і літ. ; Бел. дзярж. пед. ун-т; навук. рэд. : В.П. Русак, В.Д. Старычонок] – Мінск, 2014. – С. 293–297.

27. Трошинская-Степушина, Т.Е. Поэтика безымянности в русскоязычной прозе Беларуси рубежа XX–XXI вв. / Т.Е. Трошинская-Степушина // Наука – образованию, производству, экономике : материалы XIX (66) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 13–14 марта 2014 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол. : В.В. Малиновский [и др.]. – Витебск, 2014. – С. 212–214.

РЕЗЮМЕ

Трощинская-Степушина Татьяна Евгеньевна

Языковая репрезентация художественного образа в русскоязычной прозе Беларуси рубежа XX–XXI вв.: номинативный и лингвокультурологический аспекты

Ключевые слова: идиолексикон, номинация, персонаж, персонифицированный образ, поэтоним, речевой портрет, художественный образ, этнокультурная специфика, языковая личность.

Цель исследования: установить особенности языковой репрезентации художественного образа в русскоязычной художественной прозе Беларуси рубежа XX–XXI вв.

Методы исследования: сравнительно-сопоставительный, описательный, лингвистическое комментирование, структурное моделирование, количественный подсчет.

Полученные результаты и их новизна. Впервые на материале современной русскоязычной прозы Беларуси рубежа XX–XXI вв. выявлены средства языковой репрезентации художественного образа: исследован корпус номинативных единиц, именующих персонажи и персонифицированные художественные образы; установлены особенности реализации семантического, стилистического и этнокультурного потенциала онимов при создании художественных образов; определена роль категории безымянности в языковой репрезентации образов; обнаружена функция *метаиллюзорности*; рассмотрен вопрос о специфике апеллятивных номинаций; разработана процедура моделирования речевого портрета персонажа с помощью анализа его идиолексикона с выделением, типологизацией и интерпретацией маркеров речевых характеристик; определены способы реализации речевого портрета.

Рекомендации по использованию полученных результатов. Результаты диссертации могут использоваться в научно-исследовательской деятельности при разработке теоретических вопросов, затрагивающих проблемы языковой репрезентации художественных образов в литературных произведениях; в работе учреждений высшего образования при чтении курсов по сопоставительному языкознанию, стилистике, лингвокультурологии; на спецкурсах и семинарах по литературной ономастике, лингвистике текста, этнолингвистике; при составлении учебных пособий; при написании курсовых, дипломных, магистерских работ; при изучении литературного наследия русскоязычных писателей; в образовательном процессе учреждений общего среднего образования.

Степень использования. Отдельные результаты исследования нашли практическое применение в образовательном процессе двух учреждений общего среднего образования г. Витебска.

Область применения: лингвистика (литературная ономастика, лингвистика текста, этнолингвистика, лингвопоэтика), литературоведение, методика преподавания русского языка, методика преподавания русской литературы.

РЭЗІЮМЭ

Трашчынская-Сцяпушына Тацияна Яўгенаўна

Моўная рэпрэзентацыя мастацкага вобраза ў рускамоўнай прозе Беларусі мяжы XX–XXI стст.: намінатыўны і лінгвакультуралагічны аспекты

Ключавыя словы: ідыялексікон, мастацкі вобраз, маўленчы партрэт, моўная асоба, намінацыя, паэтонім, персанаж, персаніфікаваны вобраз, этнакультурная спецыфіка.

Мэта даследавання: выявіць асаблівасці моўнай рэпрэзентацыі мастацкага вобраза ў рускамоўнай мастацкай прозе Беларусі мяжы XX–XXI стст.

Метады даследавання: параўнальна-супастаўляльны, апісальны, лінгвістычнае каментаванне, структурнае мадэляванне, колькасны падлік.

Атрыманя вынікі і іх навізна. Упершыню на матэрыяле сучаснай рускамоўнай прозы Беларусі мяжы XX–XXI стст. Выяўлены сродкі моўнай рэпрэзентацыі мастацкага вобраза: даследаваны корпус намінатыўных адзінак, якія называюць персанажы і персаніфікаваныя мастацкія вобразы; устаноўлены асаблівасці рэалізацыі стылістычнага і этнакультурнага патэнцыялу онимов пры стварэнні мастацкіх вобразаў; вызначана роля катэгорыі безыменнасці ў моўнай рэпрэзентацыі і вобразаў; у безыменнасці выяўлена функцыя *метаілюстрацыі*; разгледжана пытанне аб спецыфіцы апелятыўных намінацый; распрацавана працэдура мадэлявання маўленчага партрэта персанажа з вылучэннем, тыпалагізацыяй і інтэрпрэтацыяй маркераў моўных характарыстык; азначаны спосабы рэалізацыі маўленчага партрэта.

Рэкамендацыі па выкарыстанні атрыманых вынікаў. Вынікі дысертацыі могуць выкарыстоўвацца ў навукова-даследчай дзейнасці пры распрацоўцы тэарэтычных пытанняў, якія закранаюць праблемы моўнай рэпрэзентацыі мастацкіх вобразаў у літаратурных творах; у працы ўстаноў вышэйшай адукацыі пры чытанні курсаў па супастаўляльнаму мовазнаўству, стылістыцы, лінгвакультуралогіі; на спецкурсах і семінарах па літаратурнай анамастыцы, лінгвістыцы тэксту, этналінгвістыцы; пры складанні вучэбных дапаможнікаў; пры напісанні курсавых, дыпломных, магістарскіх работ; пры вывучэнні літаратурнай спадчыны рускамоўных пісьменнікаў; ў адукацыйным працэсе ўстаноў агульнай сярэдняй адукацыі.

Ступень выкарыстання. Некаторыя вынікі даследавання знайшлі практычнае прымяненне ў навучальным працэсе дзвюх устаноў агульнай сярэдняй адукацыі г. Віцебска.

Галіна прымянення: лінгвістыка (літаратурная анамастыка, лінгвістыка тэксту, этналінгвістыка, лінгвапаэтыка), літаратуразнаўства, метадыка выкладання рускай мовы, метадыка выкладання рускай літаратуры.

SUMMARY

Troschinskaya-Stepushina Tatyana Evgenjevna

Language representation of the artistic image in the Russian-language prose of Belarus at the turn of the XX–XXIst centuries: nominative and linguistic and cultural aspects

Keywords: artistic image, character, ethnic and cultural specificity, idiolexikon, language identity, nomination, personalized image, poctonym, speech portrait.

The aim of the research is to find out the peculiarities of the language representation of the artistic image in the Russian-language prose of Belarus at the turn of the XX–XXIst centuries.

The methods of the research: comparative, descriptive, structural, quantification, linguistic comments.

The results obtained and their novelty. The means of the language representation of the artistic image based on the material of modern Russian-language prose of Belarus at the turn of the XX–XXIst centuries have been revealed for the first time: the units of nominative items used for a character's identification and literary images personification have been presented; specific features of the implementation of the stylistic, and ethnic and cultural frames of an onym for creating of artistic images have been found out; the role of anonymity in the category of the language representation of the images in which the function of methaillusion is detected has been defined; the point of specificity of the appellative nominations in each idiostile studied has been developed; a procedure for modeling a character's speech portrait by a linguistic analysis of his lexicon including the revealing, classifying and interpreting of the markers of speech characteristics has been made up, ways of realization of a speech portrait are defined.

Recommendations on application of the results. The results of dissertation can be drawn on in research activity at development of theoretical questions, affecting the problems of language representation of images in literary works; in-process establishments of higher education at reading of courses on comparable linguistics, stylistics, linguistic poetics; on the special courses and seminars on literary onomastics, linguistics of text, ethnic linguistics; at drafting of train aid; at writing of term, diploma, master's degree papers; at the study of literary heritage of the Russian-language writers; in the educational process of establishments of universal middle education.

Efficiency. Some results of the research are put into practice in teaching process at the institutions of general secondary education in Vitebsk.

The sphere of application: linguistics (literary onomastics, text linguistics, ethnic linguistics, linguistic poetics), history of literature, methodology of teaching Russian language, methodology of teaching Russian literature.

